

Василий Брусянин

О счастье

Василий Васильевич Брусянин

О счастье

Серия «Ни живые – ни мёртвые»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9463504

Аннотация

«Последняя неделя великого поста на исходе. Скоро наступит светлый весёлый праздник весны – и снова в душе моей проснётся знакомая, безотчётная и непонятная тоска. Отчего это, когда другим весело, – мне скучно? Отчего это, когда другие мне кажутся счастливыми, – на душе становится ещё тоскливей?.. Именно, кажутся счастливыми... Люди, ближние мои, мне кажутся счастливыми, а я не верю в их счастье, и от того, быть может, так невесело и живётся...»

Василий Брусянин

О счастье

Из пасхальных встреч

Последняя неделя великого поста на исходе. Скоро наступит светлый весёлый праздник весны – и снова в душе моей проснётся знакомая, безотчётная и непонятная тоска. Отчего это, когда другим весело, – мне скучно? Отчего это, когда другие мне кажутся счастливыми, – на душе становится ещё тоскливей?.. Именно, кажутся счастливыми... Люди, ближние мои, мне кажутся счастливыми, а я не верю в их счастье, и от того, быть может, так невесело и живётся...

Два дня я брожу по улицам Петербурга и присматриваюсь к кажущемуся счастью других. Я нарочно выбираю многолюдные и шумные улицы, чтобы больше встретить кажущееся счастливых и довольных людей, и, присматриваясь к их лицам и прислушиваясь к их говору, начинаю убеждаться, что они действительно счастливы, что их счастье – не призрак... Счастливым становлюсь и я...

Все они куда-то торопятся, шумно и толпой двигаясь по широким панелям Невского, спеша на извозчиках или в собственных экипажах – и я незаметно для себя начинаю прибавлять шаг. Люди переполняют многочисленные блестящие магазины, длинной гирляндой теснятся на галерее го-

стиного двора, и я начинаю протискиваться вместе с ними в двери какого-то магазина, потом быстро соображаю, что в моих действиях нет целесообразности, и возвращаюсь на галерею. Они спешат запастись на праздники нарядами, и меня начинает заботить вопрос, что бы такое купить, чем бы можно было достойно отметить праздник?..

Мои знакомые называют меня «неврастеником», оттого в моём поведении и нет строгой планомерности и устойчивости...

– Купите «счастье»... «Счастье» купите... Барыня хорошая... «Счастье» три копейки всего, – выкрикивают в толпе чумазые и оборванные мальчуганы, назойливо приставая к прохожим и предлагая купить какие-то небольшие конвертики.

Минута колебания – и я хотел было купить конвертик со «счастьем», потом вспомнил, что я – неврастеник, и спросил себя мысленно: «Зачем?..»

В самом деле, зачем покупать «счастье», если и я, и толпа, меня окружающая, – мы одинаково «счастливы», и бедные мальчуганы, продавцы счастья, вероятно, напрасно промокнули и прозябнут в туманном воздухе весеннего ненастного дня.

Почему-то особенно резко в памяти моей врезался один из них: крошечный, узкоплечий, с узенькими глазками, в которых, словно прячась от взора посторонних, отражалась тихая грусть. Он жалобным тягучим голосом молил прохожих

купить его «счастье», и никто не обращал на него внимания, и мне казалось, в глазах его начинали пробиваться слёзы, детские слёзы, чистые, как хрусталь...

Я купил у него один конвертик и, не разрывая его, сунул в карман. Мальчуган почему-то внимательно рассмотрел мою монету, потом поднял глаза и с улыбкой на лице посмотрел на меня: продав мне «счастье», он стал счастлив и сам...

Я медленно пробирался в толпе и всматривался в лица встречных. Всё утомлённые и озабоченные лица, а в глазах ожидание близкой радости! Навстречу мне шли расфранчённые дамы, их сопровождали кавалеры, военные и штатские. Медленно двигались в толпе степенные супруги, с пакетами и свёртками в руках; около них шли дети, нарядные и весёлые и, останавливаясь около игрушечных магазинов, о чём-то просили родителей. Встретился седой батюшка, с бесстрастным лицом, его перегнали два гимназиста и кадет... В толпе я рассмотрел странное худощавое, бритое лицо актёра, из-за него выглянуло молодое цветущее лицо офицера, который всё время, пока шёл, крутил свой тёмный красивый ус... Повстречался ещё священник, низенький, с моложавым лицом... Какая-то седая дама в трауре, обогнав меня, раскланялась с батюшкой, сделала шага два вперёд, обернулась и громко окрикнула: «Надя!.. Надюша!..» Из толпы к ней быстро подошла девушка с курчавыми тёмно-каштановыми волосами, и они обе вошли в какой-то магазин. Пыхтя и отдуваясь, прошёл толстяк в цилиндре и с сигарой во рту. Ме-

ня обдало облаком едкого пахучего дыма... В толпе мелькнул мальчуган, продавец «счастья», и быстро исчез. Откуда-то издалека слышался его тягучий просительный голос.

Я вышел на Садовую. По панели, мимо галереи, также сновали люди, вдоль панели стояли извозчики, поджидавшие седока, другие, с седоками, куда-то спешили. Их обгоняли громоздкие кареты; громыхали тяжёлые, неуклюжие конки с одинокими сгорбленными фигурами на империа-ле... Срединой улицы два мужика в передниках несли белый газетовый гроб, поставив его на собственные головы... Как-то милостивая девушка, в поярковой шляпе и с блестящими глазами, уронила на панель пакетик в светло-розовой бумаге, взвизгнула и звонко захохотала. Её спутник, студент, поднял замазанный грязью пакетик, и потом они почему-то долго и весело смеялись...

С туманного неба моросил мелкий весенний дождь... В душе у меня снова заняла знакомая, безотчётная и непонятная тоска...

* * *

Вечером я снова бродил по Невскому, и чёрные думы и тоска сопровождали меня в моём одиночестве!

Я и сам не могу понять, почему за последние дни страстной недели и в продолжение всей Пасхи мне необыкновенно тоскливо! Я ничем не могу объяснить этой страшной тоски!

Дни праздника пройдут так же, как проходили они в каждый предшествующий год. После двенадцати ночи люди будут поздравлять друг друга, целованием скрепляя дружбу и братство, а пройдут дни праздника – и сменившие их будни породят будничные чувства, будничные мысли, и злоба, и ненависть станут будничными и повседневными; сделаются и люди будничными, скучными, злыми... Стоит ли быть кажуще справедливым на несколько мгновений в продолжении одного дня или даже целой недели, о которых напоминает предупредительный календарь?..

Я задавался этими странными вопросами, бродя по улице, и тоска снова охватила мою наболевшую душу...

Улицы опустели! Готовясь к встрече светлого праздника, люди разбрелись по своим обиталищам, и одиноко бродя по панелям, я говорил себе: «Я – счастлив... счастлив, потому что одинок»...

Я прошёл Невским до Знаменской церкви, постоял у церковной паперти, вместе с другими любопытствующими посмотрел сквозь чугунную решётку на длинные столы, рядами расставленные в ограде; на столах богомольные прихожане устанавливали куличи и пасхи, приготовленные для освящения и, громко рассуждая, спорили о местах, теснились и перебранивались...

В сыром воздухе пронеслись странные тягучие звуки рожка. Блестя медной каской, по Лиговке пронёсся верховой пожарный, секунду спустя по мостовой загромыхали массив-

ные колёса пожарного обоза, перед глазами пронеслись блестящие каски на головах людей, и нестройный перезвон пожарных колоколов смешался с гулом толпы и грохотом экипажей...

Эти обычные будничные звуки рассеяли моё предпраздничное настроение, напоминая о пожаре, о суете людей, спасающих своё имущество; мне представились их испуганные лица, мольбы, крики, брань, слёзы!.. Как быстро чередуются явления жизни, – вторя им, меняются мысли и настроения!..

* * *

Зал третьего класса Николаевского вокзала, куда я вошёл, была переполнена публикою. Всё «серые простые» лица... пиджаки, короткие кофточки, картузы, платки, чуйки, котомки, сундучки... И только кое-где жмётся в толпе горожанин, словно боясь смешаться с «серой» публикой. Но толпа не замечает осторожного горожанина, свободно как дома разместилась она на скамьях и прямо на полу и шумит и гогочет в какой-то исступлённой радости перед разлукой с туманным Петербургом.

Четыре или пять месяцев эта толпа жила жизнью столицы, получая краткие сведения с родины о хозяйстве, об урожае или о... Впрочем, разве перечесть всё, чем богаты деревенские корреспонденции!..

Скоро вся эта толпа вольётся в тесные вагоны специаль-

ного рабочего поезда и скоро же утомонится под грохот вагонов и заснёт, чтобы проснуться где-нибудь на ближайшей от деревни промежуточной станции или узловой для пересадки на другую дорогу. И каждый из этих путников везёт в свою деревенскую глушь какие-нибудь впечатления столицы, чем, конечно, поделится там, где жизнь проще и «глуше»; другие везут в памяти пересказы из увиденного и услышанного; третьи увлекутся и выдадут какую-нибудь невинную ложь за истину...

Каждый из них, конечно, везёт с собою деньжонки, потому что ведь только ради них все они и приезжали в столицу, видя в деньгах единственно достижимое счастье... Впрочем, это тёмное дело: в чужом кармане не считаешь!..

Какое-то новое настроение овладело мною, пока я бродил в этой шумной толпе. Я присматривался к лицам и прислушивался к шумному говору.

– Если бы теперь вот вашему брату узду на морду-то, так вы не обтрёпанными уезжали бы домой-то!.. А то посмотришь, – в которой чуйке он стены-то кирпичные выкладывал, в той и домой едет! – громко рассуждал черноусый мещанин, сидя на лавке и ни к кому не обращаясь.

– А, может, пиджаки да брюки-то навывпуск у нас в сундуках! – возражает оратору пассажир в чуйке.

– «В сундуке», – передразнивает его оратор. – В сундуке-то, поди, окромя гармонии ничего нет!..

– А ты, верно, из торговых – узды-то этой самой на тебе не

видно! – вставляет новый оратор из «серых», высокий здоровый детина в поношенной поддёвке и новом картузе.

До этого он всё время молчал и насмешливо поглядывал в сторону ораторствующего мещанина.

– Мы не из торговых, а такой же, как и ты, брат-мастеровой, да только узду-то с нас, действительно, сняли давненько... Больше десяти лет выжил в Питере-то... С отцом жил, так и научился, как денежки-то беречь, а теперь и собственную мастерскую в Саблине имеем... А вы что? – вольница!.. Деньжонки-то, поди, все тут оставили, а домой-то ни с чем, одни гармонии, карты да водка!.. Лю-ю-ди!..

С презрительной усмешкой на лице он отворачивается в сторону и смолкает.

Я иду дальше, присматриваясь и прислушиваясь, и оказывается, что ни группа – то новые разговоры: то перебранка, покойная и незлобная, то шумные и весёлые возгласы, то тихая и мирная речь.

Пробираясь в толпе баб с котомками за плечами, я подслушал, что и здесь, в этой толпе, рассуждают о счастье. Одна старушка, обращаясь к двум своим собеседницам и заканчивая речь, говорила:

– Да... родимые... Счастье ему выпало! Счастье... Да такое, что... В швейцарах теперь служит, двадцать рублей в месяц получает, опять же доходы от господ, а господа добрейшей души люди!..

Слушательницы внимали молча и вздыхали.

А мастеровой-моралист нрав: у многих из пассажиров рабочего поезда гармоника, и если бы не бдительные жандармы, своими окриками подавляющие в самом крошечном зародыше желание поиграть на гармонике, – в зале, вероятно, слышались бы раздирающие душу звуки. Говор, смех и изредка брань никто не в силах подавить, и чем больше наполнялось публикою зал третьего класса, тем громче становился говор... Все были веселы и довольны, все с минуты на минуту ожидали отхода поезда, не замечая времени.

Только один из «серых» произвёл на меня удручающее впечатление. Одинокó сидел он на лавке, недалеко от громадного киота, перед которым теплилась восковая свеча и, облокотившись на собственную котомку, смотрел в пол опущенными глазами.

Немолодой, сгорбленный и худой, ввалившиеся тусклые глаза, впалые бледные щёки: вот его портрет. На лице печать печали и страдания и что-то жалкое, одинокое, всеми оставленное во всём его существе. Все заняты собою и «своими», а он сидит одиноко, тяжело дышит и по временам кашляет.

Недалеко он него на лавке, на сундучках и на котомках размещалась группа молодёжи. «Маляры», – определил я по их котомкам со следами краски и по их скудному «ручному» багажу. Сомкнувшись тесным кружком, они весело болтали и смеялись.

В шумной толпе маляров моё внимание остановил один парень, высокий, широкоплечий, с круглым веснушчатым

лицом и с узенькими зеленоватыми глазами. Лицо его выражало смущение и было залито краской стыда. Окружавшие его товарищи смеялись над ним, иногда зло, и на его лице отражалось неудовольствие, иногда весело-добродушно – и оно расплывалось от улыбки.

– Ничего, Панька, не трусь! Приедешь домой – бабушка Фёкла тебя излечит, у неё такая «знатная» трава есть от этой болезни-то! – говорил, обращаясь к нему, один из товарищей. Насмешка кривила его губы.

– А ловко он из больницы-то выкарабкался, одному не захотелось оставаться! – говорил другой, указывая рукою на предмет общего внимания и повернув лицо к улыбававшемуся соседу.

– И что врешь! И что врешь!.. Сами отпустили, потому, говорят, тебе всё равно скоро не излечиться! – задорно возражает Панька.

– И кралю свою, брат, оставил, – деланно-печальным тоном вставил ещё кто-то из группы сидящих.

– Подарочек-то от этой крали только при себе везёшь...

– В багаж не сдал! – зло шутит кто-то.

Маляры громко и весело захохотали, и мне стало ясно, каков тот «подарочек», с которым смущённый юноша вернётся в родную деревушку.

Больной смутился ещё больше, догадавшись, что я и ещё кое-кто из близко стоявших, – мы все слышали и эти краткие замечания с «крылатыми» словами и этот общий хохот,

полный определённого, обидно-горького смысла.

Я отошёл, унося с собой новое впечатление. «Подарочек» столицы занимал мои мысли, и мне стало казаться, что и все люди, переполнявшие этот обширный зал, увозят с собою в деревню какие-нибудь «подарочки». Может быть то, ради чего они приезжали в Питер, миновало их, а нечаянное и нежеланное присосалось к плоти и вошло в кровь. Но зато много нового, ещё неслыханного они слышали, много нового, невиданного, посмотрели и, вероятно, везут с собою новые столичные мысли, может быть, даже и новых песен слышались в среде столичного рабочего населения.

Дверь на платформу открыли, и толпа густой сплошной массой двинулась из зала. Говор и шум усилились. Минут через пять поезд отошёл от станции.

Я вернулся в зал, теперь пустынный, с клубами копоти, дыма и чада... Недалеко от киота толпилась кучка людей: вокзальные сторожа, несколько человек из публики и два жандарма. На грязном полу лежал незнакомец, которого я видел одиноко сидящим около своей котомки. Лицо его было спокойно, словно он уснул, кисть правой руки почему-то была придвинута к лицу, словно он хотел закрыть глаза перед лицом чего-то страшного, или хотел перекреститься, но не успел.

– Встал он этак, чтобы пойти как и другие... да... как – хрясь об пол! – рассказывал какой-то очевидец жандармам.

– Ах ты, Господи!.. А!.. Остался!.. – вздыхая, говорил кто-

то в толпе, окружавшей умершего.

«Остался», – подумал я с тоской в душе и вышел.

Ночь была тёмная и тихая, и ярко освещённая столица гремела, готовясь к встрече Светлого Христова Воскресения... Где-то чуть слышно посвистывал, должно быть, только что отошедший поезд...

«Остался», – снова подумал я, и знакомая тоска сдавила мне душу...